

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

В.Г. ЛЕДЯЕВ*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМАТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются основные темы в концептуальном анализе власти: этапы (ранний, классический, современный), проблематика (актуальная vs потенциальная власть, власть структур vs власть агентов, «власть для» vs «власть над», интенциональность власти, асимметричная vs сбалансированная власть, конфликт и «нулевая сумма») и приоритетные решения концептуальных проблем, современные тенденции в концептуальном анализе власти (многомерное видение власти, синтез разных подходов, расширение объема понятия; стирание граней между властью и невластью) и их практические последствия.

Ключевые слова: власть; определение власти; концептуальный анализ.

Для цитирования: Ледаев В.Г. Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 14–29. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.01>

Анализ понятий политического дискурса уже не одно десятилетие является одним из важнейших направлений исследования в политической науке и философии. Хотя интенсивность концеп-

* **Ледаев Валерий Георгиевич**, PhD (Manchester, Government), профессор департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: valeri_ledyaev@mail.ru

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 19-01-13) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

туальных дискуссий в разное время существенно варьировалась, ключевые категории – власть, авторитет, демократия, свобода, равенство, справедливость и др. – всегда оставались в центре внимания, и поскольку они отражают наиболее существенные аспекты политического бытия, и в связи с необходимостью постоянного совершенствования теоретико-методологического инструментария в условиях растущей динамики социальных изменений.

В процессе своей эволюции концептуальный анализ власти претерпел значительные изменения. Эти изменения коснулись как основных тем (проблем) в объяснении власти, так и характера рассуждений и их общей направленности.

В настоящей статье предпринимается попытка обозначить основные тенденции и проблематику в концептуальном анализе власти, их динамику и современное состояние.

Основные этапы в концептуальном анализе власти

В истории концептуального анализа власти довольно отчетливо прослеживается несколько основных этапов. Власть в ее многообразных проявлениях всегда привлекала внимание исследователей. Уже у Платона и Аристотеля мы находим интересные суждения о власти [Ледяев, 1996]. Однако собственно концептуальный анализ власти – объяснение содержания понятия власти – начался значительно позднее¹, когда Т. Гоббс предложил первую дефиницию власти вместе с ее кратким пояснением². На этом этапе были сформулированы концепции власти целым рядом известных мыслителей (М. Вебер, Б. Рассел, Б. Жувенель, Ч. Мерриам). Однако концептуальный анализ власти (как и других ключевых политических понятий) еще не стал систематическим, а в силу ограниченного набора текстов не было и дискуссий о том, что есть «власть» и чем она отличается от других понятий.

¹ Античные мыслители, в отличие от современных исследователей, не фокусировались на анализе понятия, полагая, что значения слов «власть», «влияние», «правление», «авторитет» понятны для здравомыслящих людей.

² Власть человека «есть его наличные средства достигнуть в будущем некоего блага» [Гоббс, 1991, с. 63]. Власть является разновидностью причинной связи: причина относится к уже произведенному следствию, к прошлому, в то время как власть есть способность производить что-то в будущем.

Второй этап начался с середины XX в.: на порядок увеличилось число работ, специально посвященных понятию власти; «власть» стала объектом интенсивных дискуссий, в которых приняли участие ученые с мировым именем – Г. Лассуэлл, Р. Даль, Т. Парсонс, Х. Арендт, С. Лукс, П. Блау, Э. Гидденс и др.¹ Резко возросший интерес к концептуальной проблематике был обусловлен и «лингвистическим поворотом» в политической философии, и фокусом на изучении политического поведения под влиянием бихевиорализма, и началом активного эмпирического исследования власти, прежде всего на уровне локальных сообществ [Ледяев, 2010; Ледяев, 2012]. В дискуссиях вокруг понятия предлагались различные модели объяснения власти и использовался, как будет показано далее, широкий набор аргументов для разрешения сложившегося набора основных тем и проблем в концептуальном анализе власти. Эти дискуссии были, пожалуй, наиболее интенсивными по сравнению с другими этапами. Отдельными вехами в рамках данного этапа стали дискуссии о «лицах власти» [Bachrach, Baratz, 1970; Лукс, 2010; Ледяев, 1998; Naugaard, 2012], а также тексты М. Фуко и реакция на них в научной литературе [Foucault, 1979; Foucault, 1994; Digeser, 1992; Hindess, 1996].

В этот период обозначились две основные традиции в понимании власти. В мейнстримной традиции, обозначенной еще Т. Гоббсом и продолженной в трудах М. Вебера, Х. Лассуэлла, Р. Даля, С. Лукса и др., власть рассматривалась как «власть над», доминирование одних субъектов над другими, «отношение нулевой суммы», в котором возрастание потенциала влияния и выгод одних индивидов или групп означает уменьшение возможностей других. Эта традиция по-прежнему остается наиболее популярной – и в научной литературе, и в обыденном дискурсе, и в современных учебниках.

Альтернативная традиция (Т. Парсонс, Х. Арендт, Б. Барнс и др.) отвергает идею нулевой суммы, рассматривая власть как инструмент достижения блага («власть для») и противопоставляя власть насилию. Подчеркивается социетальная природа власти, ее при-

¹ Пионерная роль здесь отводится книге Г. Лассуэлла и А. Каплана «Власть и общество» [Lasswell, Kaplan, 1950], ставшей «водоразделом между старыми, еще интуитивными и двусмысленными трактовками власти и четкостью и ясностью более поздних дискуссий» [Baldwin, 1989].

надлежность не отдельным индивидам или группам, а коллективам людей или обществу в целом [Scott, 1994; Ледяев, 2001]¹. Разумеется, не все подходы вписываются в эти рамки². Многие авторы стремятся отойти от традиционных воззрений, заимствуя идеи у «противоположной стороны», а некоторые современные подходы, как мы увидим далее, изначально ориентированы на их синтез и максимально широкие трактовки власти.

Третий (современный) этап в концептуальном анализе власти обозначился в последние два десятилетия. На его содержание и характер существенное влияние оказала концепция «сущностной оспариваемости» (essential contestability) понятий политического дискурса [Ледяев, 2003]³. В результате признания «власти» сущностно оспариваемым понятием естественным образом потерял актуальность поиск его оптимального определения и объяснения: поскольку диспуты по поводу понятий нормативны, а выражение определенной ценности есть неотъемлемая часть самого понятия, исчезает возможность выбора его правильной («правильной») интерпретации. Во многом поэтому на современном этапе исследователи не столько спорят по поводу содержания понятия, сколько соревнуются в поиске разных вариантов «власти» и возможностей вписывания их в общую концептуальную схему. Как мы

¹ Несколько позднее появилась ставшая сегодня достаточно популярной концепция «власти вместе» («power with»), в рамках которой власть рассматривается как способность людей к совместному действию для достижения коллективных целей [Allen, 1998; Allen, 1999].

² Например, классический марксизм, который рассматривает власть в капиталистическом обществе в терминах классового господства, т.е. в духе первой традиции, но при этом доказывает, что в будущем коммунистическом обществе оно будет преодолено.

³ Идея сущностной оспариваемости политических понятий впервые была высказана профессором У. Галли в лекции, прочитанной в Аристотелевском обществе в 1955 г. [Gallie, 1955]. Галли использовал ее для объяснения различий в понимании «справедливости», «свободы», «демократии», «политики» и других понятий, являющихся предметом острых дискуссий. Суть ее состоит в том, что критерии «правильного» определения данных понятий являются комплексными, многомерными, ценностными; они не имеют приоритета друг перед другом, а эмпирическим путем определить адекватность того или другого определения понятия невозможно. Каждая точка зрения может быть теоретически обоснована, и поэтому спор между ними на уровне рациональных аргументов неразрешим в принципе.

увидим далее, обозначившаяся на втором этапе тенденция к многомерным объяснениям власти начинает преобладать.

Основные проблемы в концептуальном анализе власти

О чем конкретно идет спор вокруг понятия власти? Впервые основной набор дискуссионных проблем в концептуальном анализе власти был обозначен и проанализирован Д. Ронгом [Wrong, 2002]¹. Более поздние классификации включали в себя приблизительно тот же набор проблем, хотя их интерпретации и фокус анализа могли несколько различаться. Например, Дж. Херн обозначил следующие основные проблемы («пары терминов, определяющие дискуссии о власти»): 1) физическая vs социальная власть; 2) «власть для» vs «власть над»; 3) асимметричная vs сбалансированная власть; 4) власть структур vs власть агентов; 5) актуальная vs потенциальная власть [Hearn, 2012, p. 3–17].

Способы разрешения этих и некоторых других концептуальных проблем в итоге и обуславливают различия – как между традициями, так и внутри них. Основные расхождения между мейнстримной и альтернативной традициями в наибольшей степени связаны с двумя проблемами, фактически обозначающими эти традиции: 1) «власть над» vs «власть для» и 2) структурная власть vs власть агентов. В мейнстримной традиции власть – это «власть над»; как правило (особенно на втором этапе), она ассоциируется с определенными агентами (актерами), между которыми возникают властные отношения. В альтернативной традиции власть – это «власть для»; она обычно привязывается к социальным структурам. Концептуальные решения других проблем не обязательно строго соотносятся с определенными традициями, хотя с какой-то из них они могут быть более конгруэнтными².

¹ Ронг выделил пять основных проблем в концептуальном анализе власти: 1) интенциональность власти; 2) эффективность власти; 3) латентность власти или проблема актуального и потенциального; 4) асимметрия и баланс во властных отношениях; 5) природа эффектов, произведенных властью [Wrong, 2002, p. 1–14].

² Например, в альтернативной традиции (с ее фокусом на структурном характере власти) власть естественнее рассматривать как потенциал, заложенный в социальных структурах, а не как определенное действие.

Каковы современная практика понятийного анализа власти и особенности разрешения концептуальных проблем? Не вдаваясь в детали концептуальных дискуссий по указанным проблемам¹, обозначим общую тенденцию. *Концептуальные решения становятся более гибкими*: вместо выбора той или иной концептуальной опции исследователи предпочитают отказ от дихотомии в разрешении концептуальных проблем. В результате заложенные в изначальных проблемных формулировках альтернативы трансформируются, а анализ фокусируется на соотношении ранее противопоставлявшихся субстанциальных признаков. Тем самым фактически допускаются более широкие толкования власти и объем понятия естественным образом расширяется. Это наблюдается в решении практически всех понятийных проблем.

Актуальная vs потенциальная власть. Практически не принимаются попытки жестко противопоставить «диспозиционную» и «эпизодическую» (термины Д. Ронга) концепции власти, как это имело место в середине прошлого века². Как правило, власть определяется как способность (возможность), которая существует как в потенциале, так и реализуется в действии; при этом деятельность субъекта власти по реализации его властного потенциала также рассматривается как форма (проявление) власти.

Власть структур vs власть агентов. И в прошлом веке, и сегодня подавляющее большинство аналитиков подчеркивают, что власть так или иначе связана и со структурной детерминацией, и с деятельностью конкретных акторов. «Хотя дихотомия [структура vs действие. – В. Л.] полезна... но для лучшего понимания реальности нам нужно уйти от простого дуализма структуры против агентов» [Hearn, 2012, p. 12]. Однако если ранее альтернативные традиции явно тяготели к одной из сторон континуума «структура / действие», а представители мейнстримной традиции обычно отвергали чисто структурные формы власти, то с появлением многомерных (в том числе четырехмерных) концепций власти это ограничение фактически было снято. «Четвертое лицо власти», по сути, задается

¹ Это уже было сделано нами ранее [Ледяев, 2001].

² Наиболее ярко это проявилось в полемике П. Морриса [Morriss, 2002], настаивавшего на том, что власть является исключительно диспозиционной категорией (свою позицию Моррис воспроизвел и во втором издании своей книги, вышедшем уже в нынешнем веке), с Н. Полсби [Polsby, 1980], не признававшим наличия власти без ее манифестации в той или иной деятельности.

социальным контекстом и осуществляется без его осознания субъектом и объектом.

В аналогичном ключе решается и проблема «*власть для*» vs «*власть над*». Если ранее проponentы двух, как им казалось, совершенно разных интерпретаций власти спорили друг с другом, не признавая правомерности альтернативных объяснений и выводя описываемый оппонентами феномен за пределы власти («власти»), то сегодня общим местом стало понимание «власти над» и «власти для» в качестве форм, «лиц» или измерений (dimensions) власти. При этом само понимание власти, прежде всего «власти над», и его коннотации несколько модифицируются. Например, М. Хаугаард пытается «реабилитировать» концепцию «власти над» путем включения в свою схему идеи Х. Арендт о «власти действовать вместе» (concerted power). «Власть над» и «власть для» всегда было принято противопоставлять в нормативном плане: первая обычно ассоциировалась с насилием, тогда как вторая считалась «освобождающей». Однако, по мнению Хаугаарда, «власть над» имеет дуальную природу. Если она опирается на структуры и институты, поддерживающие демократические практики, то ее неправомерно отождествлять с господством и «игрой с нулевой суммой», поскольку воспроизводство демократических норм сохраняет за подчиняющимся актором возможность реализовать свои интересы. Тем самым данная форма власти принципиально отличается от тех версий «власти над», в которых объект властных отношений выступает инструментом достижения целей субъекта [Haugaard, 2012].

Тенденция к многомерному видению власти модифицирует и решение других концептуальных проблем. *Интенциональность власти* еще более ставится под сомнение¹ и фактически отвергается теми, кто признает третье и, особенно, четвертое «лица власти».

Аналогичная ситуация складывается в отношении *конфликта* и *нулевой суммы*, считавшихся (в мейнстримной традиции) обязательными признаками власти, отличающими ее от добровольных (невынужденных) и / или взаимовыгодных форм деятельности. Попытки отказаться от этих признаков предпринимались и ранее (Д. Ронг, Д. Болдуин, Э. Гидденс [см.: Ледяев, 1996]). Инкорпори-

¹ Тем не менее некоторые исследователи, например Дж. Херн [Hearn, 2012, p. 16] и автор этих строк, по-прежнему включают интенциональность в свои дефиниции.

вание «власти для» в семантическое поле «власти» фактически завершило этот процесс и привело к признанию наличия властных отношений, осуществляющихся в интересах объекта.

Менее заметными оказались изменения в решении проблемы «*асимметричная vs сбалансированная власть*». И ранее, например в текстах Д. Ронга, и сегодня исследователи подчеркивают, что «власть никогда не бывает ни полностью асимметричной, ни полностью сбалансированной» [Hearn, 2012, p. 16]¹, отмечая, что использование данных терминов помогает прояснению процессов властвования в их эмпирическом многообразии.

Не все обозначенные выше концептуальные проблемы представляются в полной мере актуальными. Например, проблема «*физическая vs социальная власть*» оказалась наименее дискутируемой по сравнению с другими в силу того, что подавляющее большинство исследователей предпочитают рассматривать власть как социальный феномен. Не вызвала широкого резонанса (особенно в отечественной литературе) концепция «*власти вместе*» («power with»), которая не только выглядит не вполне естественной для российского читателя, но и очевидно может быть легко (и, на мой взгляд, более естественно) представлена с помощью других терминов (например, через «способность к коллективному действию»)².

Современные тенденции в концептуальном анализе власти

До сих пор речь шла об основных проблемах в концептуальном анализе власти и способах их разрешения на современном этапе. Теперь попробуем выделить некоторые тенденции в понимании власти и очертить общие контуры концепции. Фактически речь пойдет

¹ Под сбалансированной властью имеется в виду отсутствие монопольной власти субъекта во всех сферах его взаимодействия с объектом. Д. Ронг предпочитал термин «интеркурсивная власть» (intercursive power), обозначая им ситуации, в которых власть акторов в одних сферах уравнивается властью других акторов в других сферах [Wong, 2002, p. 11].

² Данный аргумент вполне применим и к некоторым другим понятийным новациям, например к популярной концепции «мягкой силы» (soft power). Однако сегодня подобного рода аргументы отнюдь не всегда воспринимаются исследователями.

об одном общем тренде, проявлявшемся в нескольких тесно взаимосвязанных ракурсах: 1) многомерное видение власти; 2) синтез разных подходов; 3) расширение объема понятия; 4) стирание граней между властью и не-властью.

Этот многоликий тренд стал одновременно и реакцией на естественное усложнение социальной жизни, растущее многообразие форм, механизмов и практик взаимодействия социальных акторов, и результатом эволюции теоретико-методологических оснований их изучения. Начиная с 1960-х годов в фокусе исследователей все чаще оказывались «скрытые формы власти» (термин С. Лукса). Тексты П. Бахраха и М. Баратца, С. Лукса и М. Фуко, как уже отмечалось, стали предметом интенсивной полемики [Ледяев, Ледяева, 2003]. У *многомерных концепций* есть очевидные преимущества: они претендуют на наиболее полный охват определенного рода практик (это сильная сторона всех «широких» концептуализаций) и поэтому в меньшей степени подвержены критике за «неадекватность охвата». Эти концепции расширяют пространство политической власти, фокусируя внимание на формах социальных отношений, выходящих за рамки «общественного договора»; тем самым они претендуют на более адекватное объяснение сохранения и воспроизводства элитарного характера политической власти в условиях действия формальных демократических институтов.

Поиск новых лиц / измерений власти стал и результатом менее строгих, по сравнению с серединой прошлого века, требований к операционализации понятий. Современных мыслителей гораздо менее пугают трудности эмпирической фиксации различных форм и проявлений власти, чем их предшественников, находящихся под влиянием позитивистских теоретико-методологических установок и потому ориентированных на изучение власти в открытом для наблюдения процессе принятия решений в ситуациях открытого конфликта между сторонами¹.

Число лиц (форм) власти увеличивалось и в результате стремления многих современных авторов *объединить имеющиеся подхо-*

¹ По этой причине многомерные концепции власти с момента своего появления стали объектом критики – как сторонниками «одномерных» объяснений власти (Р. Даль, Н. Полсби и др.), так и более поздними исследователями, поставившими под сомнение теоретическую валидность новых концепций власти и полученные на основе их использования эмпирические результаты и выводы (Л. Доудинг, К. Хэйворд) [см.: Ледяев, 2012, с. 347–349].

ды, сделав «власть» зонтичным понятием, охватывающим самый широкий спектр социальных отношений (Э. Аллен, М. Хаугаард, Г. Гехлер и др.)¹. В частности, Г. Гехлер считает, что «власть для и власть над являются двумя фундаментальными измерениями власти». В своей «интегративной» концепции власти он выделяет «два фундаментальных измерения» – транзитивную власть и нетранзитивную власть. В случае осуществления транзитивной власти «актор *A* влияет на актора *B* с намерением открыть или закрыть его специфические опции действия», тогда как «нетранзитивная власть формирует общее поле действия путем “дискурса и действия вместе”» [Gohler, 2009]. Эми Аллен в своей концепции власти объединяет три элемента: власть над, власть для и власть вместе [Allen, 1998]. М. Хаугаард [Haugaard, 2012; Haugaard, 2015] в своей четырехмерной концепции власти соединяет (в каждом из измерений) «власть как господство» (power as domination) и «власть действовать вместе» (concerted power).

Многомерное видение власти и стремление синтезировать разные подходы естественным образом обуславливают *расширение самого феномена* (объема понятия). Ранее довольно многие известные исследователи выступали против расширения понятия власти, сознательно исключая из своего анализа некоторые формы социальных отношений, традиционно относившиеся к властным практикам. Например, Т. Парсонс выступал против «концептуальной расплывчатости» традиционного (мейнстримного) понимания власти, следствием которой является «трактовка “влияния”, а иногда и “денег”, так же как и различных аспектов принуждения, в качестве “форм” власти». Это, по его мнению, делает логически невозможным рассмотрение власти как *специфического* механизма, осуществляющего изменения в действиях акторов [Parsons, 1986, p. 96].

Парсонс, как и многие другие исследователи, рассматривал власть лишь как один из видов социального взаимодействия, стремясь четко очертить ее контуры, показав ее границы и зоны, где она отсутствует. Собственно, уточнение границ и объема понятия

¹ Ранее также предпринимались попытки интеграции подходов; но они были во многом паллиативными, касались отдельных аспектов и не были ориентированы на полномасштабный синтез. Скорее, как уже отмечалось ранее, рассматривались традиционные элементы мейнстримной концепции власти.

было в центре концептуальных дискуссий вокруг включения / невключения интенции, конфликта, интересов и других потенциальных признаков понятия власти. Однако сегодня, как уже отмечалось ранее, преобладает идея разрешения этих и других концептуальных проблем в пользу широких концептуализаций, исключающих те или иные (ранее) обязательные признаки. Тем самым в современных концепциях фактически *стираются границы между властью и невластью*. Разные формы социальных отношений часто обозначаются термином «власть» и без особых сомнений включаются в многообразное («многоликое») понятие¹.

Эти изменения, разумеется, не принимаются (по крайней мере, однозначно) всеми исследователями. Мне, как и, например, Луксу, не вполне импонирует идея такого расширения концепта, которое бы включало формирование ценностей и социальных норм – то, что социологи традиционно обозначали с помощью концепта социализации. Отказ от четкого разграничения «власти» и некоторых других понятий мне также не представляется обоснованным, хотя понятно, что принятие идеи «сущностной оспариваемости» снимает мотивацию к выстраиванию *четкой* понятийной структуры с обозначением концептуальных границ и места в ней каждого понятия. Однако сложившуюся в концептуальном анализе ситуацию и фактический отказ от разрешения понятийных разногласий в любом случае следует принять как данность – естественно, сохраняя свои персональные концептуальные предпочтения.

Какие практические следствия вытекают из обозначенных тенденций?

Многомерное видение власти существенно усложняет эмпирический анализ властных практик, требуя от исследователя учета значительно большего объема эмпирических данных и специального внимания к тем формам социальных отношений, которые скрыты от внешнего наблюдения. Даже использование одномер-

¹ На одной из конференций я попросил М. Хаугаарда пояснить, какие социальные отношения и практики, обозначаемые термином «власть», на самом деле, с его точки зрения, таковыми в строгом смысле не являются. Марк, сославшись на идею «сущностной оспариваемости» политических понятий, фактически признал возможность отнесения к власти всех подобного рода отношений и практик.

ной концепции власти и изучение процесса принятия политических решений представляет серьезную проблему в силу трудного доступа к информации и сложностей учета каузальных цепочек, определяющих доминирование тех или иных акторов в пространстве публичной политики. Обнаружение и эмпирическая фиксация других лиц власти повышают трудность исследования в разы, о чем, в частности, свидетельствует критика имевших место попыток применения двухмерной и трехмерной концепций власти. В этих условиях естественной альтернативой может стать изучение отдельных форм власти, что, безусловно, несколько облегчит задачу исследователя-эмпирика. Однако это неизбежно снижает амбициозность и значимость эмпирического исследования, поскольку наибольший интерес традиционно представляют комплексные исследования всей совокупности властных практик и ответ на главный вопрос любого исследования власти – «кто правит?»

Допущение широкого спектра форм власти предъявляет и повышенные требования к их систематизации (классификации). Само по себе признание многообразия властных отношений и вариативности оснований для выделения форм власти не означает отказ от необходимости выстраивания концептуальных схем, помогающих показать место различных социальных практик в общем процессе социального взаимодействия. Поскольку исследователи оперируют разными терминами и смыслами, их соотнесение друг с другом становится важным для плодотворного концептуального диалога.

По этой же причине более трудными (но не менее необходимыми) становятся интерпретация и сопоставление результатов эмпирических исследований, проведенных разными авторами. Отчасти по этой причине поиск новых форм и лиц власти не привел к росту соответствующих эмпирических исследований: новые подходы, как уже отмечалось ранее, серьезно усложнили цели и процедуры эмпирического исследования, и пик эмпирических исследований власти (например, в локальных сообществах), возможно, уже пройден.

Однако это не может и не должно останавливать дальнейший поиск оптимальных (хотя и по-разному понимаемых) концептуальных схем. Между понятийными конструктами и эмпирическими моделями всегда возникали естественные трения (рассогласования),

которые так или иначе развивали и концептуальный анализ, и эмпирические исследования. Таков характер научного поиска.

Список литературы

- Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 455–679.
- Ледяев В.Г. Современные концепции власти: Аналитический обзор // Социологический журнал. – М., 1996. – № 3/4. – С. 109–126.
- Ледяев В.Г. Власть, интерес и социальное действие // Социологический журнал. – М., 1998. – № 1/2. – С. 79–94.
- Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
- Ледяев В.Г. О сущностной оспариваемости политических понятий // Полис. Политические исследования. – М., 2003. – № 2. – С. 86–95. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.02.07>
- Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: Основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – М., 2010. – № 2. – С. 23–52.
- Ледяев В.Г. Социология власти: Теория и опыт изучения власти в городских сообществах. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2012. – 472 с.
- Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Многомерность политической власти: Концептуальные дискуссии // Логос. – М., 2003. – № 4/5. – С. 23–32.
- Лукс С. Власть: Радикальный взгляд. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 240 с.
- Allen A. Rethinking power // Hypatia. – 1998. – Vol. 13, N 1. – P. 21–40.
- Allen A. The power of feminist theory. – Boulder, CO: Westview Press, 1999. – 168 p.
- Bachrach P., Baratz M. Power and Poverty: Theory and Practice. – N.Y.: Oxford univ. press, 1970. – 234 p.
- Baldwin D. Paradoxes of Power. – N.Y.: Basil Blackwell, 1989. – 223 p.
- Digester P. The Fourth Face of Power // The Journal of Politics. – Chicago, 1992. – N 54(04). – P. 977–1007.
- Hindess B. Discourses of Power: From Hobbes to Foucault. – Oxford: Blackwell, 1996. – 192 p.
- Foucault M. The Subject and Power // Power: Critical Concepts. – L.: Routledge, 1994. – Vol. 1 / Ed. by J. Scott. – P. 218–233.
- Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. – Harmondsworth: Penguin, 1979. – 352 p.
- Gallie W. Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. – Oxford, 1955. – Vol. 56. – P. 67–198.
- Gohler G. 'Power to' and 'Power over' // The Sage handbook of power / S. Clegg, M. Haugaard (eds.). – L.: Sage, 2009. – P. 27–39.

- Haugaard M.* Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment // *Journal of Political Power*. – Galway, 2012. – Vol. 5, N 1. – P. 35–54.
- Haugaard M.* Concerted power over // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*. – Hoboken, NJ, 2015. – N 22 (1). – P. 147–158.
- Hearn J.* Theorizing Power. – L.: Palgrave Macmillan, 2012. – 251 p.
- Lasswell H., Kaplan A.* Power and Society. – New Haven: Yale univ. press, 1950. – 334 p.
- Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. – Manchester: Manchester univ. press, 1987. – 266 p.
- Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. – 2nd ed. – Manchester: Manchester univ. press, 2002. – 320 p.
- Parsons T.* Power and the Social System // *Power* / ed. by S. Lukes. – Oxford: Blackwell, 1986. – P. 96–143.
- Polsby N.* Community Power and Political Theory. – 2nd ed. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1980. – 320 p.
- Scott J.* General commentary // *Power: Critical Concepts*. – L.: Routledge, 1994. – Vol. 1 / Ed. by J. Scott. – Mode of access: https://books.google.co.in/books?id=IlyPz2cUcAEC&pg=PP9&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (Accessed: 21.05.2019.)
- Wrong D.H.* Power. Its Forms, Bases, and Uses. – N.Y.: Harper and Row, 1979. – 356 p.
- Wrong D.H.* Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author. – 3rd ed. – New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2002. – 326 p.

V.G. Ledyayev*

Conceptual analysis of power: Basic issues and current trends

Abstract. The article covers basic themes in the conceptual analysis of power: main stages (early, classical, modern), conceptual problems (actual power vs potential power, power as structures vs agents, «power to» vs «power over», intentionality of power, asymmetrical vs balanced power, conflict and ‘zero sum’) and their solutions, current trends in the conceptual analysis of power (multidimensional view of power, synthesis of different approaches, expansion of the concept, blurring the borders between power and non-power) and their practical consequences.

Keywords: power; definition of power; conceptual analysis.

For citation: Ledyayev V.G. Conceptual analysis of power: Basic issues and current trends. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 14–29. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.01>

* **Ledyayev Valeri**, PhD (Manchester, Government), National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: valeri_ledyayev@mail.ru

References

- Allen A. Rethinking power. *Hypatia*. 1998, Vol. 13, N 1, P. 21–40.
- Allen A. *The power of feminist theory*. Boulder, CO: Westview Press, 1999, 168 p.
- Bachrach P., Baratz M. *Power and Poverty: Theory and Practice*. N.Y.: Oxford univ. press, 1970, 234 p.
- Baldwin D. *Paradoxes of Power*. N.Y.: Basil Blackwell, 1989, 223 p.
- Digester P. The Fourth Face of Power. *The Journal of Politics*. 1992, N 54 (04), P. 977–1007.
- Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Harmondsworth: Penguin, 1979, 352 p.
- Foucault M. The Subject and Power. In: *Power: Critical Concepts*: Vol. 1. Ed. by J. Scott. L.: Routledge, 1994, P. 218–233.
- Gallie W. Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1955, Vol. 56, P. 67–198.
- Gohler G. ‘Power to’ and ‘Power over’. In: *The Sage handbook of power*. Ed. by S. Clegg, M. Haugaard. L.: Sage, 2009, P. 27–39.
- Haugaard M. Concerted power over. *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*. 2015, N 22 (1), P. 147–158.
- Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment. *Journal of Political Power*. 2012, Vol. 5, N 1, P. 35–54.
- Hearn J. *Theorizing Power*. L.: Palgrave Macmillan, 2012, 251 p.
- Hindess B. *Discourses of Power: From Hobbes to Foucault*. Oxford: Blackwell, 1996, 192 p.
- Hobbes T. Leviathan. In: *Selected Works in 2 volumes*. V. 2. Moscow: Thought, 1991, P. 455–679. (In Russ.)
- Lasswell H., Kaplan A. *Power and Society*. New Haven: Yale univ. press, 1950, 334 p.
- Ledyayev V.G. Contemporary conceptions of power: An analytical review. *The Sociological Journal*. 1996, N 3–4, P. 109–126. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. Power, interest and social action. *The Sociological Journal*. 1998, N 1–2, P. 79–94. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. *Power: Conceptual analysis*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001, 384 p. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. *Sociology of power: Theory and experience of studying power in urban communities*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 472 p. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. The study of power in urban communities: The main stages and models of research. *NZ*. 2010, N 2, P. 23–52. (In Russ.)
- Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M. Multidimensionality of political power: conceptual discussions. *Logos*. 2003, N 4–5, P. 23–32. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. On «Essential Contestability» of Political Notions. *Polis. Political Studies*. 2003, N 2, P. 86–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.02.07>
- Lukes S. *Power: a radical view*. Moscow: Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010, 240 p. (In Russ.)

- Morriess P. *Power: A Philosophical Analysis*. Manchester: Manchester univ. press, 1987, 266 p.
- Morriess P. *Power: A Philosophical Analysis: 2nd ed.* Manchester: Manchester univ. press, 2002, 320 p.
- Parsons T. *Power and the Social System*. In: *Power*. Ed. by S. Lukes. Oxford: Blackwell, 1986, P. 96–143.
- Polsby N. *Community Power and Political Theory: 2nd ed.* New Haven; L.: Yale univ. press, 1980, 320 p.
- Scott J. General commentary. In: *Power: Critical Concepts: Vol. 1*. Ed. by J. Scott. L.: Routledge, 1994. – Mode of access: https://books.google.co.in/books?id=IlyPz2cUcAEC&pg=PP9&hl=ru&source=gbp_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (accessed: 21.05.2019.)
- Wrong D.H. *Power. Its Forms, Bases, and Uses*. N.Y.: Harper and Row, 1979, 356 p.
- Wrong D.H. *Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author: 3rd ed.* New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2002, 326 p.